

Василий Григорьевич Авсеенко

**Итальянский поход Карла VIII
и последствия его для
Франции**

Василий Авсеенко

**Итальянский поход Карла VIII
и последствия его для Франции**

«Public Domain»

1863

Авсеенко В. Г.

Итальянский поход Карла VIII и последствия его для Франции /
В. Г. Авсеенко — «Public Domain», 1863

«Намѣреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи...»
Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	12
-----------------------------------	----

Василий Григорьевич Авсеенко

Итальянскій походъ Карла VIII

и послѣдствія его для Франціи

Очеркъ внутренняго состоянія Италіи

временъ возрожденія, и вліянія

итальянской культуры на Францію

Намѣреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи.

Политическая и военная сторона похода Карла VIII въ Неаполь очень маловажна и представляетъ мало фактовъ, заслуживающихъ вниманіе; но это дурно рассчитанное и вполнѣ неудавшееся предпріятіе важно для насъ въ другомъ отношеніи. Какъ прологъ французско-итальянскихъ войнъ, безспорно представляющихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій переходнаго времени, оно имѣетъ обширное значеніе въ исторіи европейской цивилизаціи. Здѣсь французская нація, въ умственномъ, художественномъ и экономическомъ быту которой ясно обозначались еще слѣды средневѣковой эпохи, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ итальянской культурой, находившейся тогда въ полномъ цвѣтѣ возрожденія; здѣсь наблюдаемъ мы столкновеніе двухъ различныхъ цивилизацій, столкновеніе, довершившее внутреннее перерожденіе Франціи, начатое хитрою политикою Людовика XI; здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать также, какими послѣдствіями отразилось на французскомъ народѣ вліяніе глубокой нравственной порчи, которою страдала Италія временъ возрожденія.

Сообразно всему сказанному, политическія и военныя событія, которыми ознаменовался итальянскій походъ Карла VIII, отойдутъ на второй планъ въ моемъ изложеніи. Я не буду также распространяться о нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ, преимущественно интересующихъ Французскихъ историковъ, напр. вопроса о томъ, вѣнчался ли Карль VIII императорскою короною, и дѣйствительно ли уступилъ ему Андрей Палеологъ византійскій престолъ. Всѣ мелочи, имѣющія совершенно частное, спеціальное значеніе, войдутъ въ мой рассказъ только въ томъ случаѣ, если съ ними связаны болѣе важныя и вліятельныя событія разсматриваемой эпохи, или если онѣ ярко характеризуютъ степень умственного и экономического развитія того или другаго народа. Преимущественное вниманіе будетъ обращено мною на политическое, умственно-художественное и нравственное состояніе Италіи въ концѣ XV столѣтія, на внутреннее содержаніе и характеръ итальянской цивилизаціи временъ возрожденія. Слѣдя за французами въ ихъ неаполитанскомъ походѣ, я буду не столько излагать, что они дѣлали, сколько, что они видѣли, чему были свидѣтелями, и въ особенности, что перенесли они на собственную почву. Французы и Франція явятся исключительнымъ предметомъ наблюденія только въ заключеніи моего труда. Здѣсь я постараюсь сгруппировать въ одномъ очеркѣ сумму преобразованій, внесенныхъ въ умственный, художественный и политическій бытъ Франціи итальянскимъ вліяніемъ, и прослѣжу въ краткомъ обозрѣніи дальнѣйшее развитіе итальянской культуры на Французской почвѣ до временъ Катерины Медичи.

Что касается до источниковъ, которыми я пользовался при составленіи этой монографіи, то они распадаются на три группы. Къ первой относятся официальные акты и документы, въ довольно значительномъ числѣ находящіеся въ приложеніяхъ къ мемуарамъ Коммина (изданіе аббата Lenglet du Fresnoy, съ первоначальнаго изданія Godefroy, 1747 г. 4 тома in 4), также въ

приложеніяхъ (*pieces justificatives*) къ нѣкоторымъ новѣйшимъ монографіямъ, и въ драгоценной коллекціи *Cimber'a*; *Archives curieuses de l'histoire de France*.

Ко второй группѣ относятся хроники, мемуары, реляціи, дневники, большею частью принадлежащіе современникамъ и очевидцамъ итальянскаго похода Карла VIII, и заключающія въ себѣ обширный запасъ свѣдѣній о событіяхъ разсматриваемой мною эпохи. Изъ источниковъ этого разряда, особеннаго вниманія заслуживаютъ мемуары Коммина, лѣтопись Гвиччардини; дневникъ Бурхарда, честнаго и наблюдательнаго церемоніймейстера двора Александра VI, и стихотворная поэма де-Виня (*Vergier d'honneur*), съ особенною подробностью описывающая походъ Карла VIII изъ Рима въ Неаполь и обратный путь его во Францію. Наконецъ, третью группу составляютъ изслѣдованія и монографіи новѣйшихъ историковъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ: Michelet, въ своемъ *Renaissance* обозрѣвающий вліяніе итальянской культуры на Францію, Gordon (*Vie du pape Alexandre VI*, пер. съ англ.), описывающій дѣла римской куріи въ первый періодъ французско-итальянскихъ войнъ и особенно важный потому, что онъ пользовался въ рукописи интереснымъ дневникомъ Бурхарда, до сихъ поръ нигдѣ не изданнымъ вполнѣ; William Roscoe (*Leben des Lorenzo Medici* и *Vie et pontificat de Leon X*, то и другое перев. съ англ.), въ послѣднемъ своемъ сочиненіи служащій продолженіемъ Гордону и важный по богатству собраннаго имъ матеріала и по приложеніямъ въ концѣ каждого тома, гдѣ онъ впервые обнаружилъ много замѣчательныхъ документовъ; Sismondi (*Histoire des républiques d'Italie au moyen âge*) Leo (*Geschichte der italienischen Staaten*), Kortum (*Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit*), въ болѣе или менѣе полныхъ очеркахъ изображающіе внутреннее и внѣшнее состояніе Италіи въ концѣ XV вѣка, и мн. др. Изъ этого краткаго обозрѣнія источниковъ видно, что собранный мною матеріалъ, при кажущемся съ перваго взгляда богатствѣ и разнообразіи, не вполнѣ достаточенъ однакоже для выполненія одной изъ главныхъ задачъ, предположенныхъ мною въ этомъ трудѣ, – задачѣ изобразить внутреннее перерожденіе Франціи, произведенное итальянскимъ вліяніемъ, прослѣдить развитіе итальянской культуры на французской почвѣ. Исторію культуры можно изучать самостоятельно только по литературнымъ и художественнымъ памятникамъ, изъ которыхъ первые часто недоступны по своей рѣдкости, а вторые требуютъ ознакомленія съ ними на мѣстѣ. Этимъ извиняется въ нѣкоторой степени неполнота послѣдней части моего труда, такъ какъ здѣсь почти единственными руководителями служили мнѣ извѣстный трудъ Мишле: *Histoire de France*, и роскошное изданіе Поля Лакруа; *Moyen âge et Renaissance*¹.

Въ половинѣ XV вѣка, замѣтная пустота образовалась въ жизни европейскаго общества. Въ эту эпоху, всѣ главнѣйшіе факторы средневѣковой исторіи приходятъ въ состояніе изнеможенія и безсилія. "Всѣ великія, міровыя идеи, нашедшія свое осуществленіе въ средне-вѣковой жизни, потеряли наконецъ нравственное обаяніе, которымъ такъ долго были облечены онѣ въ глазахъ западныхъ народовъ. Папство и имперія, два противоположные угла зданія, въ которое сложилась средневѣковая эпоха, истощили свои средства въ вѣковой взаимной борьбѣ и въ борьбѣ съ новыми идеями, проникавшими во всѣ слои западнаго общества. Крестовые походы, ереси средневѣковыхъ рационалистовъ, авиньонское плѣненіе папъ, великій расколъ, вселенскіе соборы, все это одно за другимъ, словно систематически, потрясало папство, пока не разрушило въ концѣ его политическую силу. Что касается до католицизма, то онъ былъ такъ тѣсно связанъ съ папствомъ, что паденіе одного неминуемо должно было поколебать авторитетъ другаго. Католическій догматъ оставался еще въ силѣ тамъ, куда не проникла ни одна изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ ересей, но то политическое значеніе, которое было связано съ католицизмомъ въ средніе вѣка, было имъ утрачено, и утрачено невозвратно. Основной принципъ средневѣковой эпохи, единство, всемірная централизація, всюду долженъ былъ уступить мѣсто идеѣ національной самобытности, особенности. Стремленіе къ которой

¹ Ссылки на источники, непоименованные в этомъ краткомъ обозрѣніи, находятся ниже, в примѣчаніяхъ.

подъ конецъ среднихъ вѣковъ становится повсемѣстнымъ и преобладающимъ. Въ XV вѣкѣ, никого уже не могла соблазнить и увлечь стереотипная средневѣковая формула: "одинъ Богъ, одинъ папа, одинъ императоръ". Повсюду, изъ подъ коры католическаго и цезарскаго космополитизма, широкою струею пробивалась народная жизнь выяснялись и осмысливались народные фizioноміи, опредѣлялись національные интересы. Развитие учреждений, обнимавшихъ своими притязаніями весь европейско-хрістіанскій міръ, остановилось; начался процессъ усиленнаго развитія національныхъ единицъ, мѣстной народной жизни. На развалинахъ императорской власти, на обломкахъ ея вселенскихъ притязаній, возвышается власть королевская, источникъ и сила которой коренятся въ элементѣ народности, національной самобытности и личности. Отовсюду возвышается протестъ противъ идеи всемірной монархіи, осуществить которую пытались папство и имперія. "Всемирная монархія, говоритъ одинъ французскій легистъ XIV вѣка, есть дѣло несправедливости и насилія; оно противно волѣ Божіей, раздѣлившей владычество надъ міромъ между королями, герцогами и князьями."² «Власть императора ничтожна, говоритъ Эней Сильвій, обращаясь къ нѣмецкимъ князьямъ. Вы повинуетесь ей на сколько хотите, а хотите вы какъ можно менѣе; каждый думаетъ только о своихъ выгодахъ. Хрістіанскій міръ представляетъ тѣло безъ головы. Папу и императора окружаетъ блескъ ихъ высокихъ достоинствъ; но это только блѣднѣющіе призраки; они не имѣютъ силу повелѣвать, и никто имъ не повинуется. Каждая страна управляется своимъ государемъ, и каждый государь имѣетъ свои интересы»³. То, что говоритъ Эней Сильвій о Германіи, относится въ равной мѣрѣ ко всему европейско-хрістіанскому міру. Во второй половинѣ XV вѣка повсюду, отъ Атлантическаго океана до Волги, наблюденіе историка представляются аналогическія явленія: вездѣ монархическое, мѣстно-централизованное, государственное начало торжествуетъ надъ обломками старины и захватываетъ въ свои руки регулированье народною жизнью. Во Франціи, Людовикъ XI наноситъ рѣшительный ударъ Феодализму и основываетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ мірѣ; въ Англіи, королевская власть, въ лицѣ Генриха VII, выходитъ торжествующею изъ внутренней неурядицы, произведенной распрями бѣлой и алой розъ и вѣковыми войнами съ Франціей; въ Испаніи, Фердинандъ и Изабелла соединеніемъ королевствъ Кастильскаго и Арагонскаго и изгнаніемъ Мавровъ довершаютъ зданіе національнаго единства, и на этой прочной опорѣ основываютъ торжество монархическаго принципа. Въ Германіи, тяготѣніе частей къ центру замѣтно ослабѣваетъ, и идея имперіи замѣняется идеею земства, народно-федеративной союзности, органомъ которой являются рейхстаги. Наконецъ, въ Россіи исчезаютъ остатки федеративно-вѣчевой старины, и Новгородъ Великій падаетъ подъ ударами умнѣйшаго изъ собирателей русской земли. Въ этомъ новомъ, движеніи, какъ и во всѣхъ вообще политическихъ переворотахъ западной Европы, инициатива и первенствующая роль принадлежитъ Франціи. Людовикъ XI представляетъ первый примѣръ короля централизатора, осторожно-хитраго и вмѣстѣ жестокаго собирателя своей земли, лучше всѣхъ предшествовавшихъ государей уяснившего себѣ задачу и средства королевской власти, и умнѣе и неуклоннѣе всѣхъ стремившагося къ достиженію сознанной имъ цѣли. Задача его была трудная: прежде, чѣмъ приступить къ ея выполненію, ему надлежало залѣчить тяжелыя раны, которыми страдала страна, вынесшая на своихъ плечахъ стотридцатилѣтнюю внѣшнюю войну и вѣковой гнетъ феодализма. Страшную картину представляла Франція въ половинѣ XV вѣка. Опустошительная, вполне средневѣковая война покрыла ее развалинами. Города и села дымились отъ недавнихъ пожарищъ; въ цѣлыхъ округахъ, казалось, жизнь вымерла; плодородныя поля превратились въ необитаемые пустыри; въ лѣсахъ и по дорогамъ бродили хищныя звѣри. Матеріальное благосостояніе народа, никогда не достигавшее высокаго уровня, теперь было въ конецъ разрушено. Земледѣліе и промышленность едва удовлетворяли насущнымъ потребно-

² Songe du Vergier, I.I. ch. 36 (apud Laurent, La Papauté et Empire, p. 316).

³ Germania, cap. 43 (apud Laurent. Ibid.).

стямъ страны. Гордое, праздное дворянство, неспособное ни къ труду, ни къ пожертвованіямъ, давило крестьянское сословіе всею тяжестью своихъ феодальныхъ правъ. Наемныя войска, одичавшія среди нескончаемыхъ войнъ, грабили страну и обременяли народъ налогами, необходимыми для ихъ содержанія.⁴ Толпы бездомныхъ бродягъ (*routiers, ecorcheurs, retondeurs*) разбойничали днемъ и ночью по большимъ дорогамъ, врываются въ селенія, съ звѣрскою жестокостью мучили беззащитныхъ поселянъ и заставляли ихъ нести за ними въ ихъ притоны награбленную добычу.⁵ Въ правительствѣ, въ администраціи, царствовали первобытный хаосъ. Феодальное начало упорно отстаивало свое существованіе и полагало неодолимую преграду дѣятельности центральной власти. Дворянство вело непрерывную, открытую борьбу съ королемъ. Избалованные слишкомъ столѣтними войнами, привыкшіе къ бивачной жизни, французскіе дворяне не могли усидѣть спокойно по заключеніи мира; они возмущались при каждомъ удобномъ случаѣ, часто безъ всякой сознательной цѣли, единственно чтобъ чѣмъ нибудь наполнить праздную пустоту своей жизни. Въ послѣднюю половину царствованія Карла VII, не проходило ни одного года безъ того, чтобъ не вспыхнуло гдѣ нибудь возстаніе. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописей. Въ 1439 году принцы крови и нѣкоторые вассалы подняли знамя бунта въ Блуа, и во главѣ возмущенія сталъ дофинъ, будущій Людовикъ XI; это возстаніе, которое народъ называлъ прагеріей (*praguerie*), потому что сопровождавшія его жестокости напоминали войны пражскихъ гусситовъ, продолжалось до 1442 года. Въ этомъ году герцоги Орлеанскій, Валансонскій, Бургундскій, Бретанскій, графъ Вандомъ и герцогъ Бурбонъ взволновали провинцію Пуату, и для усмиренія ихъ потребовались чрезвычайныя усилія со стороны правительства. Въ слѣдующемъ году возмутился графъ Арманьякъ и завязалъ измѣнническія сношенія съ королями Англійскимъ, Кастильскимъ и Арагонскимъ.⁶ Примѣрами подобныхъ возмущеній переполнены французскія лѣтописи XV вѣка. Феодальныя стихіи такъ прочно были укоренены на французской почвѣ, что Людовикъ XI, будучи еще дофиномъ, долженъ былъ употребить въ дѣло всю свою хитрость и энергію, всю силу своего характера, чтобъ прекратить междоусобныя распри феодаловъ въ своей вотчинѣ, провинціи Дофине, и при всемъ томъ, усилія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Королевская власть была совершенно опутана феодальными узами; что могъ сдѣлать среди такихъ условій благонамѣренный, но слабый и безхарактерный Карлъ VIII? Этотъ молчаливый король съ угловатымъ черепомъ и неуклюжимъ туловищемъ, только два раза въ день принимавшій пищу, но три раза слушавшій обѣдню⁷, бросался во всѣ стороны, издавалъ указы за указами, работалъ безъ отдыха, а дѣла все шли по прежнему. Да а что могъ онъ противопоставить феодальнымъ силамъ онъ, который не всегда имѣлъ достаточно денегъ, чтобъ купить себѣ пару сапоговъ?⁸ Весь ежегодный государственный доходъ Франціи едва-едва простирался тогда до двухъ съ половиною милл. ливровъ, собственные домены Карла VII доставляли ему всего 500,000 ливровъ, что немногимъ превышало доходы богатыхъ феодальныхъ владѣльцевъ.⁹ Какъ слабо было тогда вообще государственное начало передъ феодальными, видно изъ того поразительнаго факта, что король, казнившій смертью преступника изъ несвободнаго состоянія, платилъ за него выкупныя деньги вассалу, которому принадлежалъ казненный¹⁰. Ко всѣмъ этимъ безпорядкамъ слѣдуетъ присоединить

⁴ Cp. Kortun, Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. I. Isqq.

⁵ Cp. Kortun, Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. I. Isqq.

⁶ Lenglet du Fresnoy, Preface aux Memoires de Commynes, 3 sqq.

⁷ Clement. I. 49.

⁸ Leber, Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge, 58, note. Анекдотическая бедность Карла VII выражается также в слѣдующей народной пѣснѣ, приводимой Клеманомъ (Jacques Coeur. I. 54): Un jour que la Hire et PotonLe (Charles VII) veindrent veoir, pour festoyer N'avoit qu'un queue de mouton Et deux poulets tant seulement. Las! cela est bien aux rebours De ces viandes délicieuses En des mets qu'on a tous les jours En des tables plus comptueuses.

⁹ Leber, 97. Clement, I. 93. Болѣе точныя цифры королевскихъ и государственныхъ доходовъ Франціи при Карле VII слѣдующія: Доходы королевскихъ доменовъ 500,000 ливровъ. Доходы фиска (преимуш. Taille). 1,800,000 — Всего 2,300,000 ливр.

¹⁰ Lenglet du Fresnoy, 6.

еще глубокую деморализацию народа, выражавшуюся в отсутствии всякого патриотического чувства, о чем свидетельствуют непрерывные дезертерства, измены, предательства. Народ отвык от труда, усыпил совесть; лень, бродяжничество, грязный разврат овладели низшими классами. Таково было внутреннее состояние Франции, когда судьба ее из слабых рук Карла VII перешла в руки его злого и умного сына. Людовика XI не устрасила трудность выпавшей на его долю задачи. Никогда еще дело обширной государственной реформы не находило себе такого способного исполнителя. В характер Людовика XI соединялась осторожная, выжидательная хитрость нашего Ивана III с подозрительной жестокостью Ивана Грозного. Расчетливый, холодный, кровожадный Людовик XI был как будто создан для того, чтобы затопить в крови последние обломки феодализма. Натура в высшей степени прозаическая, трезвая, он стал в разрыв с преданиями своего века, в которых слышались еще отголоски поэтической старины. Рыцарский, романтический элемент был совершенно чужд его характеру. Он презирал и ненавидел всякое проявление чувства; он презирал поэзию, искусство, презирал идеальную любовь к женщинам, презирал великодушие, сострадание. Прекрасно образованный, начитанный, он глубоко презирал науку, говоря о ней, что для людей умных она бесполезна, а глупцов дѣлает только напыщенными¹¹. В веке, в котором были еще живы и полны обаяния предания рыцарской эпохи, он презирал турниры, поединки, пышные праздники; единственной забавой его была охота на диких зверей, которой предавался он с кровожадным увлечением. Он пренебрегал шелком и золотом; одежда его была самая простая и грубая. Он презирал и ненавидел дворян и окружил себя людьми из низкого звания: самым приближенным к нему человеком был его бродягой Оливье, в народ прозванный чертом. Систематически отрекаясь от всего, завещанного средневековой эпохой, кроме суеверной набожности, доходившей до Фетишизма, Людовик XI отрицал вместе с тем и идеал благородства и чести, созданный и освященный рыцарством. Его не могло связать никакое обещание, никакая клятва. Он нарушал каждую минуту данное слово, подкупал, поддѣлывал подписи и печати. Ничего не было для него святого в человеческой природе, ничего не уважал и не ценил он, кроме холодного, расчетливого, эгоистического разума. Хитрость и вырочество считал он необходимыми элементами и высшим проявлением государственной мудрости. Холодный разсудок, эмансипированный от всех гуманных инстинктов, был единственным орудием и единственной стихией его политики. Жесток от природы и по расчету, он поддерживал свою кровожадность подозрительностью, которою был заражен он подобно всем тиранам. В своем неприступном замке, окруженном лесами и рвами, он подозревал всех и каждого: подозревал свою жену, своего сына, подозревал вельмож, духовных, даже своих собственных слуг и шпионов.

Таков был человек, задумавший политически переродить Францию, и на развалинах Феодализма устроить свое собственное хозяйство. С высоким практическим тактом, с осторожной, выжидательной хитростью устремился Людовик XI к выполнению предпринятой им реформы. Шел ли он к этой цели вполне сознательно, рассчитанно, или только ловко пользовался обстоятельствами, во всяком случае в его деятельности нельзя не заметить единства плана и последовательности. Он понял, что для того, чтобы свободно действовать, ему надо было прежде создать для себя прочную политическую власть, сосредоточить в своих руках правительственную диктатуру, раздробленную между феодальными единицами. И вот, он начинает долгую, упорную борьбу с феодализмом, борьбу безчестную, жестокую, в которой нет места состраданию и пощаде; холодный расчет руководит его планами, палач приводит их в исполнение. Он не охотно прибегает к откры-

¹¹ Memoire d'un particulier touchant Charles VII, etc. 194. (Помещено в «Archives curieuses de l'histoire de France», 1-re serie, t. 1).

той силѣ; онѣ больше любитѣ дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ; мелкимъ плутомъ онѣ является чаще, чѣмъ тираномъ. При встрѣчѣ съ препятствіемъ, прежде, чѣмъ ниспровергнуть его, онѣ ищетѣ, нельзя ли обойти его. Онѣ часто безъ нужды проливаетѣ кровь, но никогда безъ нужды не подвергаетѣ себя опасности. Одна верховная идея управляетѣ его политикою – идея государства, сильной центральной власти. На осуществленіе этой идеи, на борьбу съ препонами, которыя противопоставляло ей начало мѣстнаго самоуправления, сословной, корпоративной или индивидуальной самобытности, Людовикъ XI потратилъ всѣ силы своего ума, всѣ средства своей коварной, гибкой, изворотливой натуры. Хитростью, обманомъ, оболыщеніемъ, угрозою, онѣ истощилъ и привелъ въ трепетъ дворянъ, ревниво наблюдавшихъ до того времени за сохраненіемъ своихъ правъ и своей феодальной независимости. На богатыхъ, могущественныхъ вассаловъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями и значительною политическою силою, онѣ обрушился всею тяжестью своей власти, не щадя даже близкихъ родственниковъ. Строптивый парижскій парламентъ и опасный по своимъ притязаніямъ университетъ онѣ сдѣлалъ послушными орудіями своей воли. Папской юрисдикціи не придавалъ онѣ никакого значенія и замѣщалъ по своему произволу вакантныя епископства и аббатства. Огромныя подати¹³, собираемыя имъ со всякаго подданнаго, къ какому бы званію и состоянію тотъ ни принадлежалъ, дали ему средства содержать многочисленное наемное войско, на которое, въ случай надобности, онѣ могъ съ увѣренностью опереться. Чтобы возвысить авторитетъ центральной власти, ему надо было вооружить ее строгимъ и неумолимымъ правосудіемъ; съ этою цѣлью, онѣ пустилъ въ ходъ цѣлую систему страшныхъ, звѣрски мучительныхъ казней, которыя устроили самыхъ закоснѣлыхъ злодѣевъ и очистили лѣса и дороги отъ разбойниковъ. Расширяя и устривая такимъ образомъ свое хозяйство, онѣ не упускалъ изъ виду и матеріальнаго возрожденія отвоеванной у феодализма страны, и цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ старался возвысить земледѣліе, торговлю и промышленность. На все обращалъ онѣ свой строгій, проницательный взглядъ, и во всемъ дѣйствовалъ съ неограниченнымъ самовластьемъ. Необъятная диктатура его захватывала даже предметы чисто отвлеченныя, управлять которыми не рѣшалось еще ни одно правительство: такъ напр. силою своей королевской власти, онѣ объявилъ споръ реалистовъ съ номиналистами рѣшеннымъ, и разогналъ изъ парижскаго университета профессоровъ богословія, схоластическіе приемы которыхъ ему не нравились¹⁴.

Такимъ образомъ, въ политической сферѣ, переходъ отъ старыхъ отношеній къ новымъ совершился. Цѣль, къ которой стремился Людовикъ XI, была достигнута: онѣ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, раздѣленной до того времени между феодальными единицами. Франція возвысилась до цѣльнаго народнаго единства, сплотилась въ одну національность. Раздробленныя феодальныя силы слились въ одинъ широкій политическій резервуаръ; множество маленькихъ частныхъ правительствъ, раздѣлявшихъ въ средневѣковой Франціи королевскую миссію, были уничтожены, или приведены въ зависимое положеніе. Строгой государственной централизациі, конечно, не далъ и не могъ дать Франціи Людовикъ XI, потому что подобныя реформы совершаются вѣками. Людовикъ XI ничего не создалъ и ничего не разрушилъ вполнѣ: съ одной стороны, организовавъ центральную власть, онѣ не организовалъ никакихъ дѣйствительныхъ гарантій, могущихъ обеспечить ея силу въ будущемъ, а съ другой, сословныя и корпоративныя элементы, съ которыми Людовикъ XI враждовалъ всю свою жизнь, были имъ задавлены, но не уничтожены: рано или поздно, они могли всплыть на поверхность. Централизаторамъ XVII вѣка предстояло еще много труда, чтобы укрѣпить окончательно государственныя узы, завязанные Людовикомъ XI, и довершивъ формацию государства, осуществить на немъ знаменитый принципъ Людовика XIV, высшее выраженіе свѣтскаго абсолютизма: l'etat,

¹³ Доходы Фиска по всѣмъ статьямъ сильно возвысились въ царствованіе Людовика XI; такъ напр. одни доходы королевскихъ доменовъ возросли до 1 милл. тогдашнихъ франковъ. См. Leber, 58, note.

¹⁴ Cp. Kortum, I. 9-10.

c'est moi. Но при всемъ томъ, первый и самый трудный актъ перерожденія совершился при Людовикѣ XI: когда онъ умеръ, государства въ современномъ смыслѣ слова еще не существовало, но не существовало также и средневѣковаго феодализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.